

жениха — молодого крестьянина Ермила, которого она отвергла, соблазненная лестной для нее любовью боярина; впоследствии Ермил стал товарищем Юрия в монашестве. В поэме действует и отец Ксении (в немецком пересказе он только упоминался) — церковник Елисей, которого возмущает измена дочери сперва Ермилу, а затем Юрию. Введен также и ростовский князь Борис, который женится на Ольге. Все это создало возможности сложных психологических коллизий, реализованных автором в драматически напряженном и эмоционально насыщенном стихотворном повествовании, куда он ввел ряд впечатляющих сцен, не предусмотренных исходной сюжетной схемой. Таковы, например, битва Ярослава с повгородцами,⁴⁵ или отказ Елисея благословить обвенчанную с князем Ксению, или посещение овдовевшей Ольгой и томимой раскаянием Ксенией могилы Юрия и т. п.

Пересказ И. Глушкова был освобожден в духе рационализма XVIII в. от элементов сверхъестественного, содержащихся в древнерусской повести (пророческий сон Ярослава, таинственные слова вещей девы Ксении), и, следовательно, Кюхельбекер не мог о них знать. Однако его знание древнерусской литературы и фольклора, поэтическая интуиция подсказали ему, что сюжет такого рода не может развиваться без пророчеств, ведовства. В поэму введена языческая ведьма, которая предсказывает Юрию его судьбу (с посещения ее Юрием начинается песнь I). Ведьме противостоит христианский отшельник — образ, обличающий знакомство поэта с житийной литературой. Христианин в итоге торжествует над язычницей и обращает Юрия, которого «бабушка лесная» толкала на самоубийство, на праведный путь. Ксения в поэме Кюхельбекера уже не вещая дева, однако в восторженных мечтаньях провидит грядущее, когда

Не спит она, а видит сны:
В золотых чротогах Ярослава
Гуляют мысли...⁴⁶

Вещания ведьмы, включенные в разные песни поэмы, облечены в форму народных песен. Тем самым поэт подчеркивал связь сверхъестественного элемента в его произведении с народными верованиями. Показательно, что именно по поводу песен ведьмы он сокрушался: «Всего для меня труднее то, где должно соблюсти не только дух, но и размер нашей простонародной поэзии».⁴⁷ Не имея возможности самостоятельно собирать произведения народного творчества, Кюхельбекер внимательно читал присланные ему в крепость по его просьбе памятники русского фольклора, изучал их.⁴⁸

Однако не эти опыты освоения фольклорной поэтики определяют характер поэмы в целом. «Юрий и Ксения» принадлежит к жанру рус-

⁴⁵ Любопытная деталь: войны вольного Новгорода, обычно прославляемого в декабристской поэзии, здесь представляются как «злодеи», «вольница лихая», «свободы дерзостные чада» (Избранные произведения, г. II, стр. 12—13) — дополнительные штрихи к мировоззренческой эволюции Кюхельбекера после разгрома декабрьского восстания.

⁴⁶ Там же, стр. 38.

⁴⁷ Там же, стр. 734 (запись в дневнике от 3 декабря 1832 г.; сделана в связи с работой над песнями-пророчествами ведьмы: «Рассердился медведь да на пахаря» и «Раздался звон»).

⁴⁸ См.: Дневник, стр. 29—30, 33, 39, 51, 53 (записи от 30 декабря 1831 г., 7 января, 4 февраля, 9 и 21 мая 1832 г.). Об отношении Кюхельбекера к фольклору, в частности о песнях в «Юрии и Ксении» см.: В. Г. Базанов. Очерки декабристской литературы. Поэзия, стр. 306—309.